

Костя Кишинёвский

Свадебный Кортёж

(соседям нашего двора посвящается)

«В этой истории все имена и события вымышлены, поэтому любые совпадения следует считать случайными и непреднамеренными».

Главные персонажи:

Невеста: Роза

Мама невесты: Фира Борисовна

Папа невесты: Лев Моисеевич

Старший брат невесты: Миша

Друг Миши: сосед Костя

Младший брат невесты: вундеркинд Фима

Дядя невесты: Сёма

Соседка: тётя Буся

Внук тёти Буси: Рома

1

Это история случилась где-то в первой половине 70-х. В нашем дворе был обычный воскресный день уходящего лета. Ночью прошел небольшой дождь, а к утру земля уже почти просохла и, впитав в себя достаточно влаги, начинала испарять её избыток, наполняя всё вокруг свежестью. Несколько больших деревьев полностью накрывали наш двор своими

кронами, создавая по всему двору ажурную игру света и тени. Местами заросли плюща покрывали стены домов тенистого дворика. Всё это создавало благодатную и приятную ауру полного спокойствия и умиротворения. Однако, время от времени всю эту идиллию нарушали отдельные возгласы жителей двора, бряцание крышек кастрюль с варящимся обедом и трансляция футбольного матча.

- Сёма, сделай под супом огонь потише, - кричала из ванной Фира Борисовна, - ты всё равно тама сидишь.

- Какой огонь и как потише? – вопрошал брат Фире Сёма, затягиваясь папиросой на веранде.

- Тот шо горит под синей кастрюлей. Покрути ручку и сделай его уже меньше.

- Фира, ты же знаешь шо я «цветоаномал», - так её брат изящно называл свой дальтонизм.

- Ну та кастрюля, на которой цветочки. Шо не видишь что ли?

- Какие там ещё цветочки? Не морочь мне голову, выйди и сама крути себе шо тебе надо.

- Как я выйду если я принимаю ванную.

- Куда ты её там принимаешь? Выйди и покрути себе эту идиотскую ручку и иди себе потом обратно принимай ванну.

- Я шо буду голая бегать по всему дому?

- А как я покручу потише если я не понимаю какая кастрюля твоя.

Тут в разговор вступает тётя Буся, соседка Фире.

- Фирочка, сиди себе там и мойся, я сделаю твоей кастрюле потише. – Ой, а где ты такую упитанную курицу купила?

- Тётя Буся, где все покупают курицу? На базаре, конечно.

Вдруг из одной комнаты раздаётся крик «Гооооол» и выбегает мальчик Фима лет тринадцати с высоко поднятыми руками и светящимся от восторга лицом. Недавно он решил, что если он будет футбольным болельщиком, то это придаст ему более взрослый вид и его наконец-то заметит красивая одноклассница Ниночка, в которую он был тайно влюблён.

- Иди сюды, футболёр - поманил его к себе дядя Сёма. – Я дам тебе ириску.

Фима поправил свои круглые очки на длинном носе и улыбнувшись пошёл за конфеткой.

- Сёма не убивай мне ребёнка, - закричала Фира из ванной. - Ему нельзя эти конхветы, у него зубы.

- Хорошо, не ори так! Я дам ему только половинку.

Фима был настоящим вундеркиндом. Он учился одновременно в музыкальной и шахматной школе, знал три языка: русский, идиш и немецкий и легко перемножал в уме двузначные числа. Если в музыкальной школе его успехи были так себе, ввиду полного

отсутствия музыкального слуха, то в шахматной он уже имел какой-то высокий спортивный разряд. Реальным соперником в шахматах ему был только племянник тёти Буси Ромочка, который был на пару лет младше его. При этом тот, даже не посещая шахматную школу, не давал Фиме спуска в их баталиях на доске. Мальчик он был тихий и какой-то вечно зашуганный. Ромочка жил в родителями в соседнем номере. Они сегодня уезжали с друзьями купаться на Гидигич, а сына оставили на попечение бабушки. Ромочка поднялся на крыльцо дома в котором она жила, помахал маме с папой рукой и вошёл в открытую дверь веранды.

- Фима, смотри кто до тебя пришёл! – тётя Буся, погладила подошедшего внука Ромочку по голове. - Шо вы хотите сегодня делать?

- Мы будем играть во дворе, - ответил Фима.

- Ну давайте, идите себе играть, фулюганы. Через час будем обедать.

За овальным обеденным столом сидел Семён. Одет он был в пижамные полосатые штаны и серую майку-алкоголичку. Рядом с ним на столе лежала его воскресная чашка с кофе и пятничные выпуски газеты «Правда» и «Труд», а также старый и уже порядочно засаленный номер «Биробиджанер Штерн» напечатанный на идише.

- Ну и что говорят? – спросил Сёму Лев Моисеевич, кряхтя поднимаясь по ступенькам на крыльцо дома. - Как твоё ничего? Подлить тебе молока в кофэ или ты не хочешь?

Каждое воскресенье он утром ходил на базар за козьим молоком, которое покупал у одной и той же, торгующей по выходным дням знакомой крестьянки. Однако, каждый раз он сначала долго и с удовольствием торговался с другими продавцами пытаясь скинуть цену.

- Сколько вы хотите за это молоко? Целый рубель за литр? Оно у вас что, поёт? А оно не воняет? Дайте понюхать...

В конце концов, когда продавцы уже соглашались на его цену, он всё равно шёл к своей молочнице и без торговли брал у неё пол бидончика молока.

- Таки ничего, пока сижу себе там же, - ответил дядя Сёма, проигнорировав предложенное молоко.

- В эту пятницу вызывает меня директор и знаешь что мне говорит? – с хитрой улыбкой начинает интриговать дядя Сёма, работавший на обувном складе каким-то начальником.

- И что он тебе может там говорить?

- Он сказал, шо когда пойдёт на повышение в министерство, то будет рекомендовать меня на его место.

- Ой вей, зачем тебе эта нервотрёпка? Тебе плохо на своей должности? Сиди себе потихому.

- Ты так говоришь, потому шо мне завидуешь.

- Да ладно тебе, скажешь тоже, завидую. Что мне надо завидовать тебе? Я уже своё отзавидовал. Я тридцать лет проработал начальником «Рембытехники» и знаю что такое быть начальником. Одна головная боль и много нервов. Хех, завидуешь... Я тебя умоляю! Да если бы не мои болячки, я и сейчас бы был там начальником.

У Льва Моисеевича с возрастом пышно расцвёл целый букет из разных болезней. Не так чтобы он от них сильно страдал, нет, но неприятности они ему конечно доставляли. В руках появился небольшой тремор, очки он уже носил с какими-то немислимыми диоптриями, которые искажали размер его глаз и делали похожим на крота из сказки «Дюймовочка».

- О, смотри, Костя до Миши идёт. Сейчас пойдут чинить твой хлам, - перевёл разговор дядя Сёма.

- Какой хлам?! Да этому зверю сносу нема! Только карбюратор промыть надо и дыру в днище чем-то залатать.

Лев Моисеевич очень гордился своим синим «Запорожцем», который, к его сожалению, из-за проблем со здоровьем уже водить не решался. Это было единственное авто на целый двор из 12 квартир. И вот, год назад он принял волевое решение отдать машину своему двадцатипятилетнему сыну Михаилу. Но по уговору, прежде чем тот сядет за руль, он должен был пройти полный курс обучения в автошколе и сдать на права в ГАИ. Миша теоретическое обучение прошёл быстро и успешно, но вот с практическим экзаменом долгое время были проблемы. В некоторых ситуациях он почему-то вдруг цепенел за рулём, останавливался где попало и не обращая внимания ни на

заклинания инструктора, ни на крики водителей других машин просто тупо ждал пока все разъедутся и только потом продолжал двигаться дальше. Из-за такого странного поведения он чудом сдал экзамен только с восьмого раза.

- Миша, уже давай вставай, до тебя Костя пришёл, - пытался разбудить сына Лев Моисеевич. – Костик, проходи деточка, садись сюда. Как твоя работа?

- Лев Моисеевич, я пока ещё не работаю, а учусь в политехническом институте.

- Ну да, конечно... Как там твоя учеба?

- Хорошо, в этом году уже буду заканчивать и делать диплом.

- Надо же как быстро время летит! Фира, ты слышала? У Костика уже диплом в этом году.

- Ой, ё, ё! Ай, я, яй! Уже диплом? Чтоб ты был здоров! - Фира вышла наконец из ванной в цветастом банном халате и с большим полотенцем закрученным на волосы. – Как летит время! Ай, я, яй..., - попричитала ещё немного Фира.

- Ты будешь сегодня опять помогать Мише чинить его машину? – спросила она.

- Фира, это моя машина, - запротестовал Лев Моисеевич. – Я просто дал Мише на ней поездить.

- Да - да, конечно твоя, жмот старый. Она уже сто лет ржавеет у тебя в гараже. Для сына металлом пожалел.

- Ничего я не пожалел, просто формально она моя, - примирительно промямлил Лев Моисеевич.

- Всем привет! - Здорово Костян! - Миша протянул свою огромную ладонь для рукопожатия, одновременно зевая и чухая себя левой рукой по волосатой груди. Миша был

довольно крупногабаритным человеком с большой копной каштановых волос зачесанных назад. Черты лица у него были под стать фигуре: массивный нос, полные губы и пышные кустистые брови над карими глубоко посаженными глазами.

- Мам, это не Костик мне помогает, а я ему. Я вообще просто присутствую когда он ремонтирует наш еврейский броневик.

- Мы все ему за это безумно благодарны. Костик ты будешь обедать сегодня с нами?

- Спасибо тётя Фира, я уже пообедал.

- Ты видал это Миша? Нормальные люди уже пообедали, а ты только встал.

- Ну мам, вы же тоже ещё все не пообедали, - запротестовал Миша.

- Ну конечно, мы все ждём пока ты уже один раз встанешь с постели, - не унималась Фира.

- Фира, зачем ты вводишь всё общество в заблуждение. У тебя ещё суп не сварился.

- Какой суп? Ой, Вейзмир! Его никто не выключил? Тётя Буся! Ну я же просила.

- Фирочка ты просила сделать твоему супу потише, я ему и сделала.

- Но вы сделали потише не ту кастрюлю.

- Фирочка, я же тебя спрашивала за кастрюлю с курочкой?

- Курочка это для Лёвы, он же не ест как все нормальные люди суп. Этот шлимазл ест только бульон.

- Не ори на людей, сначала покупает кастрюли с не пойми какими цветочками, а потом варит сразу два жидкого на обед, а потом сидит сутками у ванне, а потом делает всем гембель - приводил свои убийственные доводы дядя Сёма.

- Всё, теперь все будем голодать. Суп усох - сказала Фира и напевая какой-то приклатнённый мотивчик, демонстративно налила себе в чашку сёминого кофе и ушла в спальню.

- Конечно, у тебя все виноваты, только не ты - тихо вставил свои три копейки Лев Моисеевич. И чтобы замять скандал переключил разговор опять на машину.

- Костик, так что там с моей машиной? – спросил он с упором на слово «моей».

- Да уже всё в порядке, можно ездить, надо только дыру в полу заварить. Вот как раз этим сегодня и займёмся.

- А как там с карбюратором? – спросил он на этот раз с деловым видом знатока автомобильной техники, хотя ещё недавно поднял сумасшедший крик пытаясь выяснить кто спёр мотор с его лимузина, напрочь забыв о том что у «Жижика» мотор сзади.

Внезапно калитка двора открылась и в проёме показалась раскрасневшаяся Роза, дочка Льва Моисеевича и Фиры Борисовны. По её запыхавшемуся состоянию было видно, что она сильно торопилась. Вбежав на веранду она первым делом положила на скамейку большую голую детскую куклу и сразу же бросилась к Костику.

- Ответь мне только на один вопрос. – «Жижик» может уже ехать?

- Куда? – спросил в свою очередь встревоженный Костик.

- В городской ЗАГС.

Все разговоры разом затихли. Даже кошка Мурка повернула морду в недоумении. За дверью Фириной спальни раздался звон разбившейся чашки.

- А зачем ему в ЗАГС? – спросил ничего не понимающий Костик.

- Костик, я тебе лично и всем вам потом всё объясню подробно, только сначала ответь мне, он может поехать ЗАГС?

- Я, я, я не знаю. Если он захочет, то есть если надо, то есть - да, - наконец выговорил он то, что хотела услышать Роза.

- Тогда я сегодня выхожу замуж, - объявила Роза, зажмурившись от удовольствия и сжимая кулачки согнутых в локтях рук.

Все впали в тихий ступор. Через некоторое время тишина уже начала приобретать зловещие формы. Народ не понимая что происходит начал переглядывался друг с другом.

- За кого замуж? – За «Жижика»? – спросил помаргивая глазами Костик.

И тут грянул гром. Все стали как подорванные смеяться. Громче всех гоготали дядя Сёма и Миша. За дверь в спальню, с перерывами на икоту, заливалась хохотом Фири. Лев Моисеевич тихо хихикал и при этом периодически подёргивал головой. Даже не заслужено обиженная за суп тётя Буся скривилась в ухмылке. Один лишь Костик стоял истуканом.

Роза сначала злобно уставилась на него, но потом тоже залилась хохотом, точно повторяя мамины интонации.

- Нет, на «Жижике» ты с Мишей женись, а я выхожу замуж за своего будущего однокурсника.

В этот момент до всех вроде бы дошло её сообщение. Смех потихоньку стал угасать и зловещая тишина опять начала накрывать летнюю веранду.

Розочке было двадцать лет. Она была очень красива. Высокая, статная с огромными глазами и алыми губками. У неё была короткая модная стрижка и длинные, всегда

наманикюренные ногти. Сошли по ней все молодые люди вокруг. По характеру она была – огонь. Очень взбалмошная, увлекающаяся и упрямая. Когда она втемняшивала себе что-то в голову, остановить её было практически невозможно, даже для того чтобы просто объясниться. Её пылкая категоричность не позволяла ей долго выслушать кого-то, она шипела, мотала головой и кривилась. Однако, так же быстро как она зажигалась, так же быстро и угасала. Зная эти её черты характера знакомые и близкие просто перестали обращать на её хотелки внимание, понимая что лучше пять минут помолчать, чем битыми часами ей что-либо доказывать.

Но о браке она заговорила впервые, поэтому народ сначала растерялся. Её родители конечно уже не раз задумывались над этим вопросом, перебирая по ночам в постели всякие выгодные партии и проводя разные несложные расчёты кому и во что всё это обойдётся. Но тут... так вдруг.

Первой допрос с пристрастием начала мама. Она отворила с тихим скрипом дверь спальни и тихо, как бы заискивающе спросила:

- А нельзя ли как-то поподробней нас посвятить в процесс происходящего? И тут же срываясь на визг начала орать, одновременно тряся за воротник рубашки своего обалдевшего мужа:

- И не перечь матери, говори всё по порядку. Я хочу знать, кто этот принц-однокурсник? Ты только две недели назад поступила в институт и ещё ни одного дня не проучилась. Какие такие однокурсники могут быть?

Бедный Лев Моисеевич понял что если он сейчас же не произнесёт что-то, жена своей тряской оторвёт ему голову.

- Да уж, будь добра - пропищал он что есть мочи.

Все как по команде устались на Льва Моисеевича, такой вспышки необузданного гнева от него не ожидал никто.

- Говори негодница, а то у папы будет удар. Смотри какой он уже пунцовый. - прошипела Фира.

- Да я и не молчу. Мы безумно полюбили друг друга. Он, между прочим, решил за меня все задания на экзамене по математике.

- Почему ты сама не могла их решить? Ты целый год ходила к Науму Давыдовичу на консультации по математике.

- По три рубля за каждую, между прочим, - вставил реплику старший брат.

- Ну мам, ну он сам попросил решить за меня, а на консультации я ходила только первые две недели, потом надоело.

- Что!?! – опять подал голос Лев Моисеевич. - А где же деньги?

- Я их копила себе на свадебное платье.

- Это ещё на какое такое платье? - вопила вконец очумевшая Фира.

- Я же сказала - на свадебное. Потому что знала, что когда-то встречу любимого, а деньги на такое платье которое мне нравится вы мне всё равно никогда не дадите.

- Ну и где это платье? - по-деловому спросил дядя Сёма.

- Принесут через час. Мне сегодня его надо было обязательно выкупить, иначе его бы продали кому-то другому.

- Как это другому? Твоё платье и другому? - Так ты только сегодня решила выйти замуж? – то ли спросил, то ли предположил дядя.

- Да ладно вам. Он очень хороший мальчик, из порядочной семьи. В конце концов, мне ведь с ним жить, а не вам.

- Но так же нельзя, - страстно вступил со своей сольной партией Костик, который ещё с раннего детства мечтал жениться на Розе. – Ведь вы должны хорошо узнать друг друга. Сначала надо его познакомить со своими родственниками. Потом должны познакомиться родители. Обязательно надо узнать нет ли в их роду каких-то дефективных, выяснить что думают о его семье всякие порядочные люди. Какое приданое, в конце концов, его родители дадут за жениха, - попытожил Константин немного запутавшись под конец речи.

Этот его монолог вызвал шквал чувств у обоих родителей и у дяди Розочки. Они взглянули на него с грустью. Только эта грусть была вызвана не печалью, что этим Розочкиным однокурсником оказался не благоразумный и почти родной для них Костик, а тем фактом, что милый мальчик был из единственной нееврейской семьи на три квартала вокруг.

- Нет, дорогая племянница, такие вопросы с кондачка не решаются. Это очень важное дело, чтобы всё так быстро и так... Дядя пытался подобрать слово и найти веские доводы, но Роза его прервала и снова огорошила всех:

- Откладывать уже нельзя. Я и так еле-еле его уговорила на сегодня.

- Фира, Фира, что она говорит? Как это нельзя? Про что это она? - опять подал голос ошарашенный Лев Моисеевич.

- Она хочет чтобы мы все тут умерли, один раз и вдребезги, - закатила истерику Фира. – Азохн вэй. Мы все умрём от стыда и горя. Ты погубила нашу семью.

- Почему поздно? – спокойно спросил Костик, единственный кто пытался без крика выяснить в чём суть такой спешки.

- Ну потому, что я уже обо всём договорилась в ЗАГСе, а он продал свой мотоцикл и уплатил задаток в кафе.

Крики, плачь и вырывание волос резко оборвались. Все взгляды сосредоточились на Розе.

- То есть ты не беременна от этого будущего однокурсника? - с надеждой в голосе спросила мама.

- Да как ты могла подумать такое! - с явно поддельным удивлением промолвила девица. – Вы думаете, что я такая как кто-то, кто не может сберечь себя до свадьбы, - продолжала шокировать сама себя и своих родных Роза.

При этих словах тётя Буся с хитринкой взглянула на Фиру. Та же в ответ так испепелила её взглядом, что тётя Буся передумала даже молча комментировать щекотливую ситуацию.

Через мгновение Миша предложил: - Так, стоп! Пусть вопросы задаёт Костик, у него это хорошо получается, иначе мама и папа умрут от разрыва сердца раньше чем надо. И вот что ещё, нам надо бы чего-то обязательно выпить. Собраться, так сказать, с мыслями.

Лев Моисеевич и дядя Сёма одобрительно хмыкнули и вопросительно уставились на Фиру. Она вытащила из кармана халата ключи от буфета с которыми ни на миг не расставалась. Крутя ключами Фира пыталась обдумать дальнейший ход беседы: то ли перейти на истерику и вопли, то ли попытаться каким-то иным манёвром остановить безумие своего чада. Так в задумчивости она открыла буфет, налила половину фужера коньяку и залпом выпила. Причём в конце «крякнули» за неё её муж и брат. Сын Миша глядя на маму инстинктивно сглотнул слюну, о чём красноречиво говорило движение его кадыка. Фира всё также в задумчивости убрала бутылку обратно в буфет и закрыла его на ключ.

- Ну мама, ну что ты в самом деле, - взмолился Михаил. – А как же нам? Нам же тоже налей.

- Ой, да. Сейчас. Фира опять открыла буфет, взяла бутылку и начала разливать коньяк, но уже по рюмкам.

- Мишаня, ты смотри не налегай, - сказала Роза подмигивая брату. Тебе ещё везти нас в ЗАГС сегодня. Я назначаю тебя главой свадебного кортежа.

- Какого такого кортежа? – удивился брат.

- Такого! - и Роза указала в сторону гаража с синим «Запорожцем».

- Но там дырка в полу.

- Ничего, буду держать ноги на весу, - парировала его замечание Роза.

Тут пришло время кричать «стоп» для Фиры:

- Мы не можем так с бухты-барухты выходить за него замуж, - теперь уже начала путаться в словах она. – Ты должна всё рассказать.

Все начали потихоньку рассаживаться, а дядя Сёма с Львом Моисеевичем под шумок тяпнули ещё по одной.

- Ну что вы хотите знать? Спрашивайте себе, а я буду отвечать.

У всех была куча вопросов, но все понимали, что пока Фира не задаст свои, им лучше не вмешиваться.

- И как зовут твоего избранника?

- Святослав.

У всех присутствующих постепенно начали вытягиваться лица.

- А какая его фамилия?

- Сидоренко.

Тут уж все поникли головой и только Костик сказал: - Это ещё ничего не значит.

Все посмотрели сначала на него, а потом медленно перевели взгляд на Розу.

- А как его отчество? – догадалась о Костикиных подозрениях Фира.

- Не знаю, я его об этом не спрашивала.

В этот момент раздался дружный послеконьячный «кряк» дяди Сёмы, Льва Моисеевича и Мишани.

Напряжение неумолимо стремилось вверх. Фира подошла к столу и попыталась налить и себе рюмку, но вцепившийся мёртвой хваткой в бутылку Лев Моисеевич тихо произнёс:

- Фирочка, я тебе сам налью, не беспокойся. И действительно быстро налил ей полрюмки. Фира метнула на него жесткий взгляд и он немедленно долил ей до краёв. Она на удивление просто подняла переполненную рюмку и, не проронив ни капли, одним глотком выпила содержимое.

- Ну... продолжай, доченька, убивать маму дальше. Шо ещё за него расскажешь?

- Ну... он из какой-то деревни, не так уж и далеко от Кишинёва, между прочим. У него двое детей школьного возраста, которых бросила его бывшая жена пьяница. Зато папа у него известный на весь район свиновод. И мой Святослав хочет потом перевестись с мехмата на зоофак, чтобы как папа тоже выращивать свиней.

Тут троица мужчин как по команде закашляла, поперхнувшись втихаря выпиваемыми в этот момент рюмками.

- Так он ещё и свиновод? - присвистнул Костик, увеличивая свои мизерные шансы на будущее с Розой. И вся честная компания опять с уважением и грустью посмотрела на почти родного для них человека.

В затянувшейся паузе раздался голос тётки Буси:

- Да за шо тута переживать вообще, покрутятся немного друг с другом и побежит Розка от него, - с какой-то невиданной доселе дерзостью сказала тётка Буся. При этом она вновь выразительно взглянула на Фиру и подойдя к столу вырвала бутылку из рук Льва Моисеевича. Налила себе рюмку и опрокинула в себя содержимое. От такого нехарактерного для неё поступка у всех отвисли челюсти.

Фира опустила глаза и сквозь зубы процедила:

- Может и побежит потом, но лучше бы не доводить до свадьбы.

- А ты уже наконец что-то скажешь? – обратилась Фира к мужу, а потом прикусив губу посмотрела как на эти слова отреагирует тётка Буся. Слава богу, та в это время просто рассматривала свои ладони.

- Это какое-то форменное безобразие, - произнёс немного захмелевший Лев Моисеевич.

- И где это безобразие, папа? Об чём ты говоришь?

- Ну это... всё вокруг, - неопределённо сказал он, и все как по команде махнули на него рукой.

Мишаня тёр свой лоб пытаясь найти что сказать, вращал глазами, хмурил брови и периодически отрицательно мотал головой. И тут он опять обратился к Константину:

- Костик спроси её ещё чего. Только правильно, как ты умеешь.

- Ну хорошо, - сказал Костик, сидевший с поникшей головой. Он прищурил глаза и медленно поднимая голову спросил Розу:

- А сколько лет твоему избраннику?

- Да столько же как и мне, - ответила девушка.

- И уже имеет двоих детей школьного возраста?

- Ах ты гад, подловил меня, - вскрикнула Роза, подбежала к нему, обняла и поцеловала в щёку.

Костик вспыхнул как лампочка, а вся компания уставилась на Розу.

- Роза, ну разве так можно, ты не щадишь своих родителей, - промямлил Лев Моисеевич разливая остатки коньяка.

- Шо ты за человек такой, тебе обязательно надо сделать гембель в доме, заставить маму умирать, а потом сказать шо ты всё напридумывала.

- Ух и негодяйка, - сказал дядя Сёма подталкивая Льва Моисеевича под столом ногой и указывая загадочно глазами на буфет.

Фира перехватила его глазодвижения и улыбнувшись сказала: - Ладно, шлимазлы, открывайте вторую бутылку, я пойду на стол чего-нибудь соберу.

Тётя Буся разложила на столе тарелки и берясь за поварёшку радостно сообщила:

- Будем кушать мой суп сегодня. Мишаня, деточка, пойдти принеси вишнёвую наливочку из моего шкафа. Ну ты же знаешь где она лежит, пошныряй тама на нижних полках.

Фира застыла на месте. Потом медленно повернулась и тихо спросила соседку:

- А что ещё он знает?

- Не волнуйся, ничего такого о чем тебе надо волноваться.

Мужики загалдели в предвкушении второй бутылки коньяка и совсем не обратили внимание на то, что между женщинами наверняка есть какая-то тайна.

Вдруг всю эту суету пронзил возглас Розы:

- Да, но я вас обманула только насчёт детей, родителей и имени моего жениха, но я по-прежнему выхожу сегодня замуж.

В очередной раз воцарилась тишина и все повернулись к Костику. Только он мог задавать правильные вопросы на которые они получали более или менее удовлетворяющие их ответы. Однако он так же как все слегка оцепенел от услышанного.

- Деточка моя, Розочка, скажи наконец-то один раз и навсегда. - Ты действительно сегодня выходишь замуж? – спросила Фира.

- Да мама, я не вру. Я выхожу замуж. Только за Ицика Вайнштейна, сына Наума Давыдовича. Ну вы их знаете.

Недоумение и вместе с тем какое-то облегчение отразилось на лицах Розиных родителей.

- Какого Наума Давыдовича? Того профессора математики у которого ты брала консультации по 3 рубля за час? – решил всё-таки уточнить Лев Моисеевич.

- Да, - как ни в чём не бывало ответила Роза. – Ицик сам меня консультировал, он не хуже папаши профессора рубит в математике и к тому же собирался поступать в тот же институт что и я. Вот я и подумала, зачем Науму Давыдовичу платить деньги, пусть они лучше останутся в нашей будущей семье.

- Скажи мне дочка, а Наум Давыдович знает о вашей свадьбе? – спросила Фира.

- Не знаю. Ицик должен был ему сегодня утром об этом сказать.

Ситуация сложилась довольно щекотливая. С одной стороны более выгодной партии для Розы вряд ли найдётся, и её родители даже не мечтали о такой удаче. С другой стороны, все понимали, что если родители Ицика ещё не в курсе происходящего, то они едва ли будут безумно счастливы и скандал может получиться грандиозный.

- Ничего у нас не получится, - наконец-то промямлил Лев Моисеевич. – Мне как-то Бунимович говорил что он вот-вот породнится с Вайнштейнами потому, что его дочка собирается замуж за Ицика и этот вопрос уже решён.

- Это неправда! - вспыхнула Роза. Ицик не любит эту мымру, она ему нисколько не нравится. - Он любит только меня, - заявила Роза.

- Розочка, я хочу чтобы ты правильно меня поняла, - начал осторожно дядя Сёма. – Поэтому пообещай не орать сразу, а просто подумай и ответь нам на такой вопрос: - Шо будет дальше в случае если Наум Давыдович запретит Ицику идти сегодня в ЗАГС и жениться на тебе?

- Ицик всё равно пойдёт в ЗАГС, - ответила Роза.

- Деточка, ты думаешь Ицик не послушает своих родителей? Ты думаешь он скажет им: «Мама и папа, мне наплювать на вас и я буду делать только чего сам себе захочу». Ты действительно так думаешь? – продолжал давить дядя Сёма. – Мы все знаем Ицика и его папу и маму и мы все не представляем себе шо Ицик так им скажет.

- А почему вы думаете что его родители не захотят меня в невестки? Я что уродка какая?

- Розочка, кто тут говорит за твоё лицо. Просто если Наум Давидович уже решил поженить своего шкета на Бунимовича дочке, то он точно не будет сразу счастлив от слов Ицика про тебя и него, - пытался вразумить Розу дядя Сёма.

- Но мы специально решили не говорить никому заранее чтобы нам не морочили головы и не отговаривали. Ицик тоже должен был придумать какую-то хитрую историю для того, чтобы подготовить своих родителей к худшему, а потом сказать что он пошутил и представить меня как его невесту, чтоб они были рады - парировала Роза.

Наступила пауза в разговорах и все задумались над тем как действовать дальше. В это время скрипнула калитка и в проёме ворот появилась фигура импозантной дамы лет пятидесяти в широкой шляпе и розовом бархатном платье. Её сопровождал молодой человек с огромной коробкой. Они подошли к веранде и дама спросила: - Могу я видеть здесь Розу?

- О, вот и платье принесли, - воскликнула Роза. – Ицик с вами расплатился?

- Да, всё в порядке, - ответила дама. – Вот он вам записку передал.

- Роза, так это платье купил Ицик? – спросил ничего не понимающий Лев Моисеевич. – Но ты же говорила, что копила на него сама.

- Папа, послушай. Ицик делал мне консультации по математике. Я ему платила и он на эти деньги купил мне это платье. Там немного не хватало и он, наверное, доплатил. Ты же слышал что сказала эта мадам: что всё в порядке. Не могла же я себе сама покупать это платье.

- А шо там пишут в записке? - поинтересовался дядя Сёма.

Роза развернула записку и прочитала сначала про себя, потом улыбнулась и сказала: - Ицик пишет что всё нормально и я могу не беспокоиться.

- Ой, вэй. Так значит свадьба будет! - вскрикнула Фира Борисовна.

- Получается шо так, - подтвердил дядя Сёма.

После этого сообщения в доме поднялась суета. Даже старый дворовой пёс Трезор побежал с глухим то ли кашлем, то ли гавканьем проверять свои зарытые на чёрный день зачатки. Все кидались друг на друга с вопросами. - Что я одену? Где мои выходные ботинки? Надо пойти купить свежую рыбу. Лёва, ты брал мои подтяжки для брук?

Роза пошла примерять платье, а Фира с тётей Бусей принялись обсуждать свалившиеся им на голову хлопоты.

- Розочка, а про мотоцикл и кафе это была правда или как? – через дверь спросила дочку мама.

- Ага, это была придумка.

Но где мы тогда будем делать стол? Где сейчас брать на всех продукты? Кого мы будем приглашать? Вопросы выстреливались как из пулемёта «Максим», только ответы на них никто сразу не мог дать. Постепенно паника нарастала и достигла своего апогея когда Фира Борисовна истошно заорала что у неё нет красного пеньюара для свадебной ночи. И что это все из-за того, что Лёва пожадничал его купить ей 17 лет назад, когда они были на экскурсии в Таллинне по профсоюзной путёвке. Поначалу на её выкрик никто не обратил внимания, но потом постепенно до народа дошло, что Фира уже добралась до грани реальности и своих фантазий.

- Фирочка, это же у твоей дочки будет свадебная ночь? – прошептала тётя Буся.

Фира уставилась на неё опустошённым взглядом и спросила: - Что ж мне теперь так и не поносить его никогда?

- Так, всем стоп! - скомандовал Мишаня. Нам надо опять выпить и собраться с мыслями.

Все бурно поддержали его предложение, быстренько расселись за столом и разлили коньяк. Причем рюмки поставили и даме с молодым человеком, которые принесли платье, и даже Ромочке и Фиме.

- Мы должны распределить обязанности, - сказал дядя Сёма. – Розочка, во сколько у тебя роспись? - спросил он племянницу.

- У половине пятого, - ответила Роза из комнаты в которой примеряла платье.

- Так, значит у нас на всё про всё три часа и полчаса чтобы доехать до ЗАГСа, - попытожил дядя Сёма. – Костик и Мишаня, идите готовьте автомобиль. Мы с Лёвой займёмся списком гостей, потом вынесем столы на двор и надо будет сделать там свет.

- Сёма, а если Вайнштейны захотят делать стол у них дома? – спросила тётя Буся.

- У них нема двора. Они живут в тесной трёхкомнатной квартире вместе со столетней мамой Наума Давыдовича. Так шо это очень навряд ли.

- Дядя Сёма, мы с Ициком решили что будут только самые близкие, - вмешалась в разговор Роза.

- Ну так и никто не собирается сюда приглашать со всей магалы. Сейчас мы с Лёвой прикинем сколько народа будет по минимуму. Только мы не знаем за Вайнштейнов.

- Ну напишите на них десять мест, - предложила Роза.

- Тётя Буся, вы побегите в третий номер до нашей с Фирой сестры Раи, пускай она возьмёт своего охламона сына Янкеля и дует с ним на базар пока он не закрылся. На птичьих рядах пусть спросит Спиридона и скажет шо от меня. Пусть он даст пять красных кур. Я ему деньги потом отдам. Да скажите Рае чтобы не забыла курам подуть под перья и посмотреть на жопку, надо чтобы жопки были жёлтыми. Потом пусть идёт за рыбой до Фёдора Михайловича и скажет шо от меня. Пускай тот даст ей три - четыре карпа побольше. И чтоб

обязательно были зеркальные. За деньги, пусть скажет, я потом с ним поговорю. Да и пусть не забудут взять по 5 кило синеньких, гогошаров и перцев для фаршировки. Так шо ещё? Ага! Я, пожалуй, схожу до моша Иона за вином, а на обратном пути зайду куплю водки и коньяку.

- Дядя Сёма, надо купить пару бутылок с шампанским в ЗАГС, - крикнула Роза.

- Гут, - ответил дядя Сёма. – Возьму-ка я и на стол парочку, пусть себе там стоят.

- Я зайду к соседям скажу им за свадьбу и попрошу держать плитки не занятыми, бо готовить будем везде, - сосредоточилась наконец-то Фира.

Пропустив по рюмочке и получив деловые указания дяди Сёмы народ немного отошел от напряжения. В этот момент из комнаты вышла дама в шляпе и придерживая дверь пропустила вперёд себя Розу в свадебном платье. Все радостно зашумели рассматривая невесту.

- Да уж, платье и вправду нобелевской премии по математике заслуживает, - сказал Мишаня разливая остатки второй бутылки по рюмкам.

- Шнобелевской. Нобелевскую за математику не дают, - блеснул эрудицией Фима. - А что, наша Розка жениться будет? А на ком? А когда? А кто будет жить в её комнате? – без перерыва сыпал вопросами Фима, который только что зашёл домой попить.

- Всё «малой», теперь моя комната будет твоей, - с видом благодетеля ответила ему Роза.

- Ура! - завопил младший брат и побежал поделиться этой чудесной новостью с Ромочкой, который в этот момент отгонял во дворе прожорливых кошек от связки тараньки, сохнувшей на верёвке под толстым молдавским солнцем.

- Надо детёв до людей послать с приглашениями, - сказал дядя Сёма. – Лёва, иди сюда рядом, будем список составлять.

И всё вокруг загудело, заработало, зашкварчало.

К половине четвёртого большинство указаний уже было выполнено. Соседи оставались дальше жарить-парить снесь к свадебному столу, а невеста с родственниками уже были готовы к поездке в ЗАГС. Костик с Мишей вывели на улицу лимузин, который помыли и надраили до блеска. Роза смастерила кукле из шторного тюля белое платье и пыталась найти место за которое можно было бы привязать её к машине.

- Да поставь её в багажник! - пытался пошутить Мишаня.

Так и сказал. Именно «поставь». В Кишинёве все всё ставили, а «ложили» только в кровать.

- Сам себя туда поставь, - огрызнулась невеста.

- Кстати о багажнике. Надо вынуть оттуда всё лишнее, включая запасное колесо, иначе «Жижик» нас всех не вытянет, - забеспокоился Мишаня.

- Резонно, - поддержал друга Костик, - Миша, учти только, что запаска находится возле мотора, сзади. А вот насчет «не вытянет», это ты правильно подметил. Сколько человек поедет в машине?

- Мы все поедем. И ты тоже. Не дай бог что случится, так Мишаня даже колесо запасное не найдёт, - предусмотрительно заметила Роза.

- Мы все не поместимся, да и грузоподъёмность у машины 320 кг. Надо посчитать кто сколько весит, - вытащил ручку и блокнот из кармана Костик.

- Ладно, давай считать, - согласилась Роза. – Итак, у меня где-то 50 кг. У папы около 60, дядя Сёма, наверное, 80, мама где-то 70, Фима ещё маленький, его можно не считать. А вот Мишаня наверное даже больше чем дядя Сёма.

- Напиши 110 кг. живого веса, как сказал бы твой выдуманный свиновод - вытаскивая всякий хлам из багажника пошутил Розин брат.

- Нету во мне 70 кг. – Напиши 50, максимум 51, подала из кухни голос Фира.

- Фира, я тебя умоляю, - вступил в расчеты Лев Моисеевич, – ты что худее меня? У тебя фигура как у мадам Грицацуевой из фильма про Бендера.

- Лёва, ещё раз пошутишь за мою фигуру, точно получишь сковородой по лбу. Ты меня понял?

- Понял, Фирочка, понял.

- И шо именно ты понял?

- Что твой лишний вес мне реально угрожает!

- Уймись, зараза. Пишите 52, всем же лучше будет, - огрызнулась Фира.

- Тётя Буся ещё худее мамы, значит 45, - прикинула Роза, - Ромочка тоже не в счёт.

- Какие там 45, у неё все 70, - буркнула Фира.

- Мама, нам надо бороться с лишними килограммами, а то машина не сможет ехать, - Роза взяла блокнот у Костика и начала в столбик считать.

- Ничего, не надорвётся ваш авто, но так и быть, напишите ей 69.

Роза долго считала, что-то без конца чёркала и наконец сказала: - У меня получилось ровно 320. Так что всё в порядке.

- Не может быть, - запротестовал Костик, - надо пересчитать.

- Ой, про тебя-то забыли, - сколько ты вешишь? - Не стесняйся говори, - Роза провела рукой по животу Костика, от чего его лицо приобрело пунцовый оттенок.

- Я всё равно в ЗАГС не поеду, - сказал смущенный Костик, ни при каких обстоятельствах.

- Костик, дорогой, но если Мишаня опять войдёт в ступор, мы все как идиёты будем торчать на полдороге. Я тебя прошу, поезжай с нами, - заискивающе попросила Фира.

Тут подошёл Мишаня с тётей Бусей и предложил всем хлопнуть по рюмочке тёти Бусиной вишнёвой наливки. При этом Мишаня как-то чрезмерно улыбался и хихикал.

- Эй, Мишаня, ты что наклюкался уже? А кто поведёт тогда машину? Всё Костик, твоя участь предопределена, теперь ты начальник кортежа, - сказала Роза и положила руку ему на плечо, при этом пристально посмотрела ему в глаза. – Придётся тебе нас всех везти. Да, и не забудь с собой свой паспорт взять! – довольно категорично добавила невеста.

- Это ещё для чего? - удивленно спросил Костик.

- Будешь свидетелем со стороны невесты.

- Ни за что! Да и мы всё равно все не поместимся, даже если не будет перевеса, - возразил он.

Тётя Буся взглянула на список и заявила что она с Ромочкой не поедет на машине, так как она должна ещё зайти по дороге за цветами. Тут калитка ворот открылась и во двор вошли тётя Рая с сыном Янкелем, который держал в огромных руках переполненные продуктами с базара сумки. Янкель был одет в майку-тельняшку, которую привёз из армии и широкие брюки клёш в крупную клетку, а на голове у него была кепка восьмиклинка. В уголке рта висела потухшая папироса. На предплечье у Янкеля красовалось наколка парашютиста и очень неприличное выражение.

- Что, тётя Фира, Розку замуж выдаёте? - спросил он. – А за кого? Не за Костика ли, а?

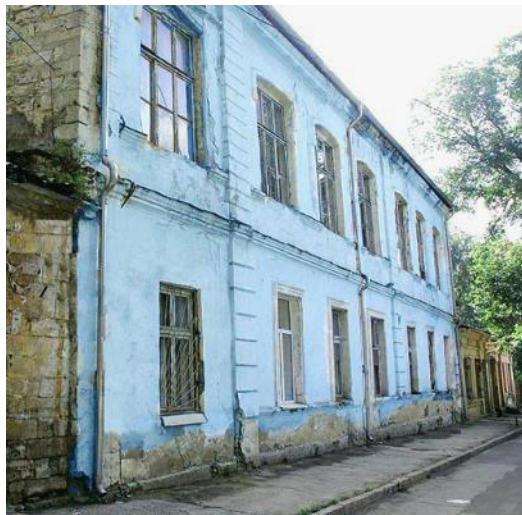
Фира вздохнула и с легким разочарованием в голосе сказала что Роза себе сама выбрала жениха. Что это Ицик, сын профессора Вайнштейна.

-Тю... это с Измайловской что ли? Зачем Розке этот хлюпик? Не пускайте её. Она же всё детство по Костику сохла, да и он на неё всё дорогу смотрит, - тихонько, чтобы никого не обидеть, шепнул Янкель Фире на ухо.

- Ладно, сами разберутся, - махнула рукой Фира.

- А что, как ваш Мишаня? Он не собирается ещё окольцовываться? А то его тут как-то видели на пляже в Вэйдулах-Водах, между прочим с какой-то блондинкой.

- И шо из того? Мишане уже двадцать пять лет. Ты думаешь шо он должен был быть на пляже с ведёрком и совочком? – парировала Фира. – Неси продукты на веранду, там соседи знают чего с ними делать.

4

Тётя Буся надела свой самый лучший наряд – сиреневое кримпленовое платье с большой белой розой на груди, нацепила шиньон и взяв внука за руку отправилась на угол улиц Армянской и Ленина за цветами. Там, чуть выше центрального базара, находился самый большой цветочный рынок города, на котором она собиралась купить праздничный букет.

- Почём эти гвоздики? Нет, покажите лучше ваши розы. Где у вас тут хризантемы? Сколько хотите за эти лилии? Она передвигалась от одного продавца к другому и через некоторое время дошла до последнего, так ничего и не выбрав.

- Женщина, купите фиалки, - предложила ей толстая тётка.

- Спасибо, но мне надо букет на свадьбу, - ответила тётя Буся. - Ромочка стой спокойно, не вертись. Она ни на миг не отпускала его руку в толпе.

- То вам надо до Бори, - сказала продавщица фиалок, указывая куда идти.

Тётя Буся подошла к указанному месту и обомлела. У Бориса были прекрасные букеты, как раз для подобных торжеств.

- Но, видимо, жутко дорого, - подумала она.

- Для кого мадам ищет букет? – спросил продавец.

- Мне на свадьбу, - ответила тётя Буся, пытаясь скорчить гримасу, как будто ничего хорошего здесь не видит и вот-вот пойдёт к другому продавцу.

- Так вот же, как раз для такого случая, - продавец протянул огромный букет. В цветочной композиции были собраны прекрасные розы, роскошная калла, синеголовник и какие-то маленькие беленькие цветочки.

- Почём? - пытаясь быть равнодушной спросила тётя Буся.

- Пятнадцать рублей.

- Кочмар, как дорого! – вскричала тётя Буся, хотя на самом деле подумала, что наверное возьмёт его и цена для такой красоты в общем-то вполне приемлемая.

- А этот? - она указала на ещё более прекрасный букет, который в сложной композиции соединял в себе розы, анемон, орхидею и брунии.

- О, мадам, этот стоит два кошмара.

- Ужас! - Шо ж так дорого? – спросила она риторически, собираясь уже выбрать его.

- Мадам, это же спецбукет. Такие дарят только королеве Испании.

- Да? И шо ей это нравится за такую цену? А шо скажете за этот? – она показала рукой на изумительной красоты букет сделанный в фиолетово-белых тонах. Здесь композиция была подобрана из сочетания королевских орхидей, фиолетовых роз, гвоздик и обрамлена цветочками эвкалипта. – А шо это за мохнатые цветочки по краям?

- Это эвкалипт. Мне его из Одессы привозят, а туда из самой Австралии моряки в рефрижераторах, контрабандой.

- Не морочьте мне голову, они бы уже давно завяли.

- Да чтоб я сдох! Их везут в специальных местах в трюме при специальной температуре, а из Одессы в обложенном льдом ящике.

- Ну и что тогда это стоит?

- О, мадам, это целый ужас с кошмаром. Но если будете брать, то я скину только до ужаса. Ведь такой день, такой праздник, пусть они будут жить вместе долго и счастливо.

- Ладно, заверните получше, мне его ещё таранить до ЗАГСа, а это четыре квартала вверх и восемь кварталов в сторону.

- «Ноу проблем», - сказал на заграничный манер довольный продавец. Такие дорогие букеты очень редко удавалось продать. Брала их всё-таки только на исключительные

торжества, которые бывают нечасто. Он коротко свистнул и к нему подошёл молодой человек.

- Ньюма, это очень важная клиентка, отвези её на машине в ЗАГС, в подарок от нашей фирмы, - сказал продавец.

- «Окей», - тоже на иностранный манер ответил Ньюма. - Будет сделано, шеф.

- Мадам, прошу в машину, - показал рукой Ньюма по направлению к черной «Волге».

Тётя Буся с достоинством кивнула головой продавцу на прощание и с важным видом пошла за Ньюмой. Ах, как же сильно в этот момент ей захотелось громко, громко закричать в надежде чтобы хоть кто-то из знакомых увидел её сейчас.

Во дворе те, кто должен был ехать в ЗАГС уже минут двадцать пытались как-то усесться в «Запорожец». Куклу привязали проволокой крест-накрест к бамперу, на зеркала нацепили белые ленты, а в багажник положили две бутылки шампанского. Так как Мишаня всё же был в приемлемой кондиции, решили в целях экономии места посадить его за руль. Место рядом с водителем бесспорно досталось невесте, не столько потому что это был её незабываемый день свадьбы, а скорее для того, чтобы не помялось дорогое платье. Дыру в полу Костик заделал толстой фанерой, так что Розе не пришлось держать ноги на весу. Дядя Сёма, Лев Моисеевич и Костик втиснулись на заднее сиденье боком друг к другу, так как их плечи не позволяли им сидеть прямо. Фира Борисовна забралась на руки ко Льву Моисеевичу и от давно забытых ощущений начала нервно хихикать мужу в ухо, поглаживая его торчащие «три волосинки в два ряда», при этом она ещё и заглядывала ему в глаза, лаская его жгучим сладострастным взглядом. Фиму сначала хотели уложить в багажник, на что он отреагировал с сильным возбуждением - бегал вокруг машины и приговаривал: «в багажник, в багажник». Однако, после громких протестов Фиры мальчишку запихнули в пространство у невесты в ногах.

И вот «Жижик» завёлся, кашлянул пару раз и с громким тархтением, выплёвывая чёрный дым из выхлопной трубы, лихорадочно подёргиваясь медленно тронулся в путь. Первая часть дороги проходила по улице с булыжной мостовой, которая был замастырена с отнюдь не абсолютно правильной укладкой. Иногда переполненная машина проваливалась в рытвины и выбираясь из них вся дрожала от напряжения, переходила на вой и отравляла всё вокруг едким выхлопом.

- Миша, переходи на пониженную передачу, - посоветовал Лев Моисеевич.

- Папа, ниже первой скорости уже нема.

- Так мы ещё на первой? Уже пора было переключиться на вторую! Я же тебя учил, что первая - это только для троганья с места, - продолжал донимать водителя своими инструкциями папа.

- Азохен вэй! Кто мацал за эту ручку? – неожиданно заорал Мишаня указывая на ручную тормоз.

- Миша, ша немножко! Это я потянула, думала что это для регулировки сидения, - виновато заморгала длинными ресницами Роза.

- Ну всё, станция конечная. Ужо никто не куда не едет, - раздосадовался брат.

- Миша, ничего страшного. Просто отожми ручник и поехали дальше. Он нам не понадобится, - заверил его Костик.

С горем пополам выехали на асфальт. Все выдохнули, словно самое сложное уже осталось позади и немного помолчав опять принялись давать указания водителю.

- Мишаня, ты не забыл включить поворотник? – начал умничать Лев Моисеевич.

- Нет.

- И что, нет? Не забыл или не включил?

- Да.

- Ну хорошо, если ты не хочешь отвечать, таки не надо. - Порть родителям нервы дальше, - сказала Фира, оторвавшись наконец от мужниной шевелюры.

- Мама, а ты бы сдвинулась куда-нибудь в сторону, мне не видно в зеркало заднего вида.

- Куда я могу сдвинуться? Только разве шо к Костику на грудь припасть.

Роза резко развернулась и метнула убийственный взгляд на маманю. Однако Фира была права, кроме этой возможности сдвинуться куда-либо в сторону не было никакого шанса.

- Миша, не морочь никому голову, если ты едешь упирод, так зачем тебе смотреть взад? - разнервничалась невеста. – Вдави на газ лучше, а то опоздаем.

- Да не могу я, здесь ограничение скорости!

- Мишаня, не зли меня. Я уже на пределе, ещё чуть-чуть и будет страшный хай. Я не каждый день выхожу замуж. И Ицик ждать не станет, этому поцу только дай повод слинять.

- Роза, как ты можешь так ругаться? Где ты слышала такие слова? – попыталась изобразить неподдельное удивление Фира Борисовна.

- Мишаня, ты можешь тормознуть на Котовского напротив бани? – прервал поток её возмущения дядя Сёма. – У меня мало папирос осталось, а здесь у Шмулика всегда есть со специальной расфасовочной линии. Из тех шо идут на экспорт.

- Дядя Сёма, кто вам навешал такую туфту? Беломор на экспорт?! Кому он нужен там? – удивилась Роза.

- Роза, вот покуришь с моё, поймёшь, шо не всё одинаковое у нас одинаково. Миша, я тебя прошу, стань вон там на углу на минутку. Роза, ты действительно хочешь чтобы все сидели на свадьбе и пили за тебя «горько», а твой дядя шкандыбалил бы суда за папиросами?

- Миша, тормозни, - скривилась Роза. – Может ещё кому что надо? - ехидно спросила она.

- Мне надо! Раз уж мы здесь, то я у бабы Доры творог куплю для форшмака и захвачу в том магазинчике манку для фаршированной рыбы, - оживилась Фира.

- А я могу пока пивка попить, у них тут прямо с пивзавода, - отозвался Лев Моисеевич.

- Я хочу петушка сосательного, когда мы ходим в баню папа всегда мне здесь покупает, - захныкал снизу приплюснутый в ногах Розы Фима.

- Нет, всем сидеть здесь! Я сама побегу для дяди за папиросами. - Давай деньги! - и Роза протянула ладонь.

- Ой, я кошелёк дома забыл, - сказал дядя Сёма.

- Держите, - Костик протянул мятый рубль. – Хватит?

- Хватит, хватит! Они по двадцать две копейки. На четыре пачки хватит, - обрадовался дядя Сёма.

Роза открыла дверь, сперва выпустила Фиму, а потом раскачавшись, после третьей

попытки поднялась с продавленного сиденья. Быстрыми шагами она направилась к синему пивному ларьку, к которому тянулась очередь из девяти-десяти человек. Народ увидев девушку в свадебном платье приветственно заулюлюкал:

- Одумалась красавица, сбежала? Решила напоследок пивка дёрнуть? Оставайся с нами, мы тебе тараньки дадим.

- Ша мне здесь! - прикрикнула на мужиков Роза. Она протиснулась без очереди и протянула Шмулику рубль. – Четыре пачки Беломора для дяди Сёмы.

- Роза, так это ты? - мужики узнали её и перестали галдеть, а кто был с ней незнаком замолчали, понимая, что так, видимо, будет безопасней.

Здесь на магале все знали её двоюродного брата Янкеля. Он мало того что служил в десанте, так ещё и имел две ходки за плечами. Забрав папиросы Роза спешно вернулась и залезла в авто, после чего они поехали дальше. Когда они преодолели уже большую часть пути, их машину лихо подрезал какой-то придурок на самосвале и испугавшийся Мишаня впадая в ступор пропустил нужный им поворот.

- Миша, спокойно! Просто прижмись к правому бордюру и притормози, - твердым голосом дал указания Костик. Люди в машине застыли от страха, а невидящий ничего снизу Фима начал ёрзать и спрашивать не приехали ли они уже. Миша по-прежнему был в ступоре и ничего не мог ответить, но к счастью сильно вдавил педаль тормоза. Машина остановилась и заглохла посередине перекрёстка. Слева и справа проезжали машины, водители которых, в лучшем случае, крутили пальцем у виска. Через какое-то время поток машин поутих и Костик сказал что его надо выпустить для того, чтобы он заменил Мишаню. Понятно, что

вылезти из переполненного «Жижика» задача не из легких, а так, чтобы посреди улицы с довольно интенсивным движением, вообще едва выполнимая. Сзади кто-то начал настойчиво сигналить, потом из следующей за ними машины вышел водитель и подошёл к Мишаниному окну.

- Миша, опусти окно. Эй, Миша, ты меня слышишь? – уточнил Костик.

- Я не могу отцепить руки с руля, - промямлил вспотевший Мишаня.

- Роза, отцепи булавку с Мишиного галстука и уколи брата, - холодным приказным голосом дал свои инструкции Костик. Роза сделала что от нее требовалось. Мишаня вздрогнул, вскрикнул «Ай», после чего пришёл немного в себя. Он опустил окно и обратился к водителю:

- Здравствуйте вам. Вы не знаете который час?

Подошедший мужчина нахмурился и спросил: - Пьяный что ли?

- Нет, нет, он не так уж и сильно пьян, его просто парализовало страхом, - попытался объяснить Костик.

- Я сейчас ГАИ вызову, - сказал водитель и уже вознамерился идти к телефонной будке, но тут взмолилась Роза:

- Мужчина, я вас прошу - не надо в ГАИ. Посмотрите на меня, я опаздываю на свою свадьбу. У меня может разрушиться жизнь. Помогите нам.

- А что я могу сделать? - пожал плечами водитель.

- Откройте, пожалуйста, дверь, вытащите Мишу и отгоните машину к правой обочине.

- Ну не знаю, - опять пожал плечами водитель, однако потянул ручку двери и открыл её. Миша сам встал и тихонько пошёл на тротуар. Водитель сел и отогнал машину к бордюру, после этого вышел из кабины, быстренько сел в свой «Москвич» и уехал.

Потом уже потихоньку все повывлазили из авто. Дядя Сёма закурил папиросу, а Фира пошла к автомату с газированной водой. Порывшись в сумочке она нашла копейки и с наслаждением выдула два стакана подряд. Дали попить и Мишане. От холодной воды он вроде совсем оклемался, но за руль его уже не пустили. До ЗАГСа было уже рукой подать, но когда Мишаня испугался самосвала, он не повернул на нужную им улицу. Теперь надо

было колесить через половину центра города. Все опять расселись по своим местам, только Розу отправили на место Костика, так как впихнуть Мишаню на заднее сиденье не представлялось возможным. Через десять минут они с большим опозданием торжественно подъехал к ЗАГСу.

5

Возле ЗАГСа уже около получаса мерно вышагивала туда-сюда тётя Буся с Ромочкой. Увидев наконец синий «Запорожец» она кинулась к нему.

- Почему вы так поздно? Что-то случилось или Роза передумала? – посыпались из неё вопросы.

- Не надо волноваться. Всё в ажуре, - ответил за всех дядя Сёма.

- Шо там говорят за нашу задержку? – спросил он у Буси указывая рукой на здание городского ЗАГСа.

- Там уже двадцать минут назад повесили табличку «технический перерыв», - рапортовала тётя Буся. – На самом деле, мне сказали, что там ждут кого-то с горкома партии, но те куда-то пропали. Так что ваше опоздание никто и не заметил.

- Тётя Буся, а где Ицик? – забеспокоившись спросила Фира Борисовна, - что-то я его не узреваю вокруг.

- Он был здесь и сильно нервничал. Потом сказал, шо пошел искать туалет. А ближайший в парке на Комсомольском озере. Перед нами всё равно ещё две пары, вон они сидят под ивой в тени и вон тама на поляне вторые, так что ещё не скоро. Будем ждать.

- Видать пробрало парня от волнения, - вступил в разговор Мишаня. – А где его родичи?

- Их здесь не было, - ответила тётя Буся на всякий случай ещё раз повертев головой осматривая окрестности

- Тётя Буся, не крутите так головой, а то она закружится и вас затошнит, - попытался пошутить Мишаня.

- Миша, мальчик мой. Только одно мне могло сильно вскружить голову в этой жизни. И это был мой покойный Ёсик. Он мне её так вскружил, шо меня потом тошнило девять месяцев подряд, а затем родился наш сыночек Аркадий.

Дядя Сёма покрутился у закрытых дверей ЗАГСа, посмотрел на табличку и пошёл узнать «что - почём» у свадебной компании, церемония у которых должна была проходить перед ними.

- Добрый вам день! Я сильно извиняюсь. - Вы на сколько времени стоите? – спросил он у двух мужчин сидевших на скамейке под тенью большой шелковицы.

- У нас назначено на четыре, а уже больше пяти. - Чёрти шо происходит! - сказал пожилой мужчина в тёмно-серой тройке и лакированных туфлях. Говорят, что какая-то шишка из горкома партии выдаёт замуж свою дочь, а жених пропал. Никак не могут найти паршивца. Нас попросили войти в положение и подождать.

Тут старик осёкся и подозрительно посмотрев на дядю Сёму заискивающе спросил: - Ради бога простите, а вы случайно не член нашей партии?

- Нет, я её мозг, - ответил дядя Сёма улыбнувшись и чтобы поддержать разговор и успокоить старика спросил: - А кто у вас женится?

- Мой младший сын, пришёл и его черёд. Вон он стоит один возле дерева и курит. Даже не знаю, что он там себе сейчас думает. Ещё совсем ребёнок - двадцать пять лет только. Сейчас все самостоятельные, никто уже родителей не спрашивает – можно, не можно.

- А это мой старший, - похлопал он рукой по плечу сидящего рядом молодого человека. - А вон там, видите, в траве играет чудный мальчуган, это его сын и мой внук Боренька. Конечно, было бы хорошо ещё знать наверняка шо он именно мой внук – пробормотал себе под нос старик.

Тут его сын весь напрягся, пронзительно посмотрел на отца и спросил:

- Папа, и как это тебя понимать!? Ты что, знаешь за мою жену что-нибудь такое???

- Да не бойся, не за твою...

- Да ну тебя, - молодой человек махнул рукой, встал и пошёл к компании родственников, сидящих на другой скамейке.

Тут к ним подошёл человек обвешанный фотоаппаратами и кожаными сумками.

- Здравствуйте, я фотограф из ЗАГСа. Пока у нас вынужденный «технический перерыв» я хотел бы обговорить детали съёмки и количество фотографий. — И где же наша счастливая пара?

- Да вот же они: невеста и ее мама, - показал рукой старик на будущую невестку и сватью.

- Ха-ха, а где жених?

- Вон у дерева курит, но за его счастье я не сильно уверен, - ответил отец жениха.

Фотограф направился к жениху, а дядя Сёма спросил старика:

- Вы думаете шо это ненадолго?

- Если вы спрашиваете про то сколько нам ещё тут куковать, то я без малейшего понятия. А если про то, как долго они продержатся в браке, то тут всё ясно. Я думаю что ненадолго.

- Почему? - удивился дядя Сёма.

- Потому, что я прекрасно знаю свою жену, то есть маму жениха и уже хорошо познакомился с мамой невесты. Так вот, они совсем не подходят друг другу.

- Вы думаете, шо ваша жена будет сильно вмешиваться в их жизнь?

- Без капли сомнения. Они собираются жить у нас. А у моей жены это наследственно.

- Про шо вы говорите?

- Про их семейную привычку лезть в чужие дела. Когда мы поженились, её мама каждую ночь приходила поправлять наше одеяло, чтобы получше укрыть свою дочь. Боялась что она простудится. А простудился в конце концов я, потому что меня она при этом раскрывала. А когда я поставил кручок на дверь, то она плакала под дверью все ночи напролёт. Пришлось моей маме купить мне отдельное одеяло.

- Кошмар. И долго так продолжалось?

- Да считайте всю жизнь, до самой её смерти. Ни я, ни моя жена не могли самостоятельно решить ни одного вопроса. Вообще ничего не решалось без участия её мамы. Она любила повторять что нам надо во всём находить компромисс.

- И шо? - Вы его находили? - сочувствующее спросил Сёма.

- Как вам сказать? - задумался что-то вспоминая старик. - Когда я и её мама расходились во мнениях, то потом все обычно поступали так, как хотела она. Вот это она и называла компромиссом. Мало, очень мало счастливых пар, - продолжал брюзжать дед.

- Ну, всего вам хорошего, - попрощался дядя Сёма с меланхоличным пожилым человеком. Однако крепко задумался и пошёл напрямиком к Льву Моисеевичу.

- Слушай Лёва, скажи мне по-дружески: ты когда-нибудь изменял моей сестре?

- Сёма, что за вопрос? - удивился Лев Моисеевич. - О таких вещах не спрашивают даже по дружбе.

- Да ладно тебе. Вот представь себе, шо я умираю и прошу тебя ответить мне только на один единственный вопрос. Ты был ей всегда верен?

- Конечно! Как ты вообще даже можешь подозревать меня в таком? А потом: вдруг ты и не умрешь?

- Ну хорошо, хорошо. А она тебе? - не унимался Семён.

- Да что на тебя вдруг нашло? Кончай ерунду молоть! - возмутился Лев Моисеевич.

- Но ты хоть с ней счастлив?

- Ой, я таки не знаю что тебе ответить. Фира говорит что очень. А ты как? Ты сам был счастлив со своей женой? - Лёва постарался перевести скользкий разговор на Сёму. - Почему ты с ней развёлся? Фира говорила, что у вас часто были трения.

- Да, были, но в очень даже хорошем плане, - засмеялся Сёма. - Мы жили с её мамой. У неё в квартире была лишь одна комната, в которой наш уголок был отделён только занавеской. Ты можешь себе представить что-то хуже? Мы были молодыми: обоим по двадцать лет. Нам нужны были эти трения только днём по три раза, а шо уж говорить про ночь. Можешь себе представить, когда мы делали эти самые трения, то стонала и её мамаша. Я думал шо сойду с ума или умру, но умерла моя тёща.

- Ой, что ты говоришь, какое горе! И что у ней было?

- Ой, я тебя умоляю. Шо у ней было. Комод, две тумбочки и продавленная кровать.

Тем временем из-за угла показался Ицик. Большого счастья на его лице не было видно. Более того, оно было очень озабочено.

- Ицик, иди немедленно суда, - крикнула Роза. – Где же, горе моё, ты ходишь? А где твои цветы?

- Ой, я забыл. Прости, сейчас пойду куплю. Здрости, - поздоровался он со всеми сразу.

- Да ладно сиди уже тут, а то подойдёт наше время регистрироваться, а тебя нема. Что тогда?

Фира Борисовна долго крепилась и молчала. Но потом тётя Буся, десятый раз толкнув её в бок, заставила всё же задать Ицику самый важный вопрос.

- Ицик, мальчик мой, а где же твои родственники?

- А их не будет.

- Как же так? А хоть папа с мамой?

- Они не могут прийти, - смутившись пробормотал он. – Никак не получается.

- Что-то здесь не так, - прошептала Фире на ухо тётя Буся. Как-то он очень нервничает.

Вдруг двери ЗАГСа открылись и дама в строгом костюме проорала - первыми идут Бырлодян, потом Маевские, а после них Вайнштейны. Давайте побыстрее.

Первая компания подскочила и быстро направилась в здание.

Дядя Сёма подошёл к фотографу и спросил его: - Что там с горкомовскими-то?

Фотограф настороженно оглянулся по сторонам, как будто опасался ответить, но потом решил. Он рассказал что жених позвонил по телефону и сообщил что сидит в милиции в Одессе. Так что свадьба переносится, наверное лет на пять. Так же фотограф добавил что он знает за этого пацанчика. Тот, мол, фарцевал потихоньку контрабандными фильдеперсовыми шмутками, которые мореманы ему сплавляли партиями прямо в порту Одессы.

А в последнее время предлагал ему купить всякие фривольные журнальчики, нафоткать оттуда непристойных девиц и сделать игральные карты. Он понимает, что дело это, конечно, прибыльное, но ведь и очень опасное. За штаны штатовские, всякие там левисы и вранглеры, менты пожурят только, а то и сами по дешёвке прикупят, а вот за порнографию - срок.

И вот, выкрикнули очередь Вайнштейнов. Мишаня вытащил две бутылки шампанского из багажника и все направились в здание. Там их быстро проинструктировали что да как, где дамская комната, где мужская, взяли документы у брачующихся и свидетелей, показали где бокалы и попросили подождать минут пять-десять, пока предыдущая пара не выйдет через вторые двери.

Всё это время Ицик выглядел каким-то подавленным. Невпопад отвечал на вопросы, чаще всего говорил что ничего не знает, путался в ответах, так что в конце концов от него

отстали. Роза, напротив, выглядела уверенной и радостной. Она всё время посматривала на Костика, который выглядел как в воду опущенный.

Наконец двери парадного зала открылись и всех пригласили войти. Роза с силой потянула за собой Ицика, который становился всё более похожим на Мишаню в ступоре. Он побледнел, напрягся и еле-еле на согнутых ногах вошёл в зал. Тётя Буся опять прошептала на ухо Фире что что-то тут не так, но Фира резко отстранилась от неё. Она разрыдалась вспоминая себя в этом же ЗАГСе, на этом же месте. Женщина в строгом костюме произнесла следующие слова:

- Дорогие жених и невеста! Дорогие гости! Мы рады приветствовать вас на официальной церемонии бракосочетания в центральном ЗАГСе города Кишинёва.

Она выдержала паузу и продолжила:

- Дорогие молодые! Любовь это большое сокровище дарованное человеку. Ваша жизнь как песочные часы, два хрупких сосуда связанных невидимой нитью времени. Эта нить связала вас, ваши судьбы. А сегодня ваши сердца заключают союз биться рядом неразрывно на всю последующую жизнь.

Потом она заученным голосом рассказала какой это важный для брачующихся день, как партия и правительство заботятся о семье, пожелала молодым быть хорошими строителями коммунизма и всякую подобную ерунду.

И вот подошёл самый важный момент. Она внимательно посмотрела на жениха и невесту и строго сказала:

- Перед тем как официально заключить ваш брак я хотела бы услышать является ли ваше желание свободным, искренним и взаимным, с открытым ли сердцем, по собственному ли желанию и доброй воле вы заключаете брак?

Прошу ответить Вас, жених: ... Долгая пауза ... - Невеста, я вас прошу не подсказывайте.

- Я НЕ МОГУ, - выдавил из себя опустивший голову Ицик. У Мишани выпали из рук обе бутылки шампанского и ударившись дном о ковёр водрузились посреди зала как часовые мины. В зале воцарилась гробовая тишина. Через минуту из соседней комнаты вышла помощница и вопросительно посмотрев на ведущую церемонии жестами спросила включать ли уже марш Мендельсона.

- Что означает ваш ответ «НЕ МОГУ»? - растерявшись спросила ведущая не обращая внимания на жесты помощницы.

- Я не могу. Мне не разрешают мои родители, - еле живым голосом ответил Ицик.

В это время взорвалась первая бутылка. Пробка выскочила из нагретой в багажнике бутылки и пена, словно гейзер взметнулась из горлышка ввысь, обрызгивая окружающих. Но никто не шелохнулся.

- Почему же ты в записке написал что всё нормально и не надо беспокоиться? – спросила ошарашенная Фира.

- Я писал про платье, о том, что я полностью за него расплатился. Я даже дал три рубля чтобы доставили платье вам домой.

- А почему ты не пришёл и не сказал что тебе не разрешили жениться? – продолжала пытаться бедного Ицика Фира Борисовна.

- Молодой человек, я спрошу вас ещё раз, - заявила ведущая. - Хочу напомнить вам о том, что это ваше решение и оно не должно зависеть от желания ваших родителей.

- Как это? – придурковато переспросил Ицик. - Я не могу без их согласия согласиться.

- А я что говорил? – взял слово Лев Моисеевич. – Что я вам всем говорил? Вы все меня не слушали. Я говорил что Ицик обещан Бунимовичам? Говорил?! Вот вам и пожалуйста.

- Да уж, ну и фортель ты выкинул, сынок. Народ собрался, купили продукты, накрыли столы, ай всё ... - махнул рукой Семён.

- Я больше так не буду, - промямлил Ицик.

Удивительно, но Роза довольно стойко пережила такое унижение. Она не стала плакать и причитать заламывая руки. Просто молча стояла и пристально наблюдала за Ициком.

- Ицик, а ты ещё любишь меня? – спросила она.

- Роза, я не знаю, мне кажется что люблю, но ведь родители...

- Так, давайте кончать этот балаган, - вмешался Костик. Казалось он один не был расстроен происходящим. – Нельзя, значит нельзя. Всё Ицик, иди домой, - он развернул покорного Ицика и подтолкнул к двери.

- А паспорт?

Ведущая протянула ему документ и сообщила всем:

- Уважаемые граждане и товарищи, ввиду отказа жениха, церемония бракосочетания отменяется.

- Нет! - истошно закричала Роза. – Я стану женой Костика.

И в этот момент взорвалась вторая бутылка.

- Но как можно? – спросила потрясенная ведущая.

Костик встал на одно колено и взяв Розу за руку произнёс:

- Любимая, я прошу твоей руки и предлагаю тебе навеки свою руку и сердце. Я всю свою жизнь буду тебя любить и посвящу всю свою жизнь этой любви.

У Розы потекли слёзы, она притянула Костика к себе, обняла его и тихо произнесла:

- Я мечтала услышать от тебя эти слова всю свою жизнь.

Фира Борисовна пошатнулась и упала бы, но её поддержал Лев Моисеевич. У обоих тоже по лицу ручьём текли слёзы.

Все остолбенели от такого поворота событий, а придя в себя от потрясения, с искренней радостью стали поздравлять счастливую молодую пару. Правда Розины родные в этот момент заметили в её глазах едва уловимую хитринку, которая как бы намекала на то, что всё прошло по заранее продуманному ею сценарию...

Июль, 2021

